

НАЧАЛО КОНЦА

КРИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ

ВЪ ЖИЗНИ

НАРОДА И СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ

ПАРТІИ

(Посвящается социалистамъ-народникамъ)

И. Борисовъ

Борисовъ

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ «РАБОТНИКА» И «ГРОМАДЫ»

1881

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

11999-48

2007237606

НАЧАЛО КОНЦА

Слѣдя за тѣмъ, что совершается теперь почти во всѣхъ градахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества, невольно воспоминаешь то мѣсто во „Введеніи въ Исторію XIX вѣка“ Гервинуса, гдѣ авторъ говоритъ, что 80-ые годы столѣтій всегда отмѣчаются въ исторіи чрезвычайно сильными и глубокими соціальными потрясеніями и переворотами. Въ виду отчаяннаго, безвыходнаго экономическаго положенія страны, полнаго нравственнаго банкротства правительства и его безсилія бороться съ бѣдствіями, угнетающими народъ, крайне трудно отдѣлаться отъ той мысли, что въ словахъ знаменитаго историка заключается грозное пророчество для современной Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, наступили роковые 80-ые годы и въ то же время Россія дошла до такого бѣдственнаго состоянія, хуже котораго нельзя себѣ и представить и которое дѣлаетъ совершенно неизбѣжнымъ безпошадную насильственную ломку всѣхъ существующихъ общественныхъ формъ. Едва ли кто нибудь хотя на минуту усомнится въ томъ, что въ жизни русскаго народа *долженъ* произойти теперь крутой переломъ, что мы живемъ наканунѣ великихъ событій, театромъ которыхъ станетъ наша родина.

въ самомъ ближайшемъ будущемъ, что уже наступило „начало конца“. Правда, давно уже миновала та пора, когда нашему „сѣятелю и хранителю“ не было голодно и холодно, давно уже на русской землѣ нельзя было найти такой „обители, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ“... Но то былъ стоить хотя и постоянный, и надрывающій душу, но стоить тихій, полуподавленный, вызывавшійся такими пустяками, какъ крайняя нужда и непосильныя тягости, нисколько не тревожившій тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало, и переводившійся на официальный языкъ стереотипною фразою: „все обстоит благополучно“. Правда, и до настоящаго времени на общемъ фонѣ „благополучія“ рисовались въ видѣ черныхъ пятенъ такія досадныя подробности, какъ питающійся древесною корою сѣверный крестьянинъ, пухнушій отъ голода самарскій мужикъ, опустошительныя эпидеміи на скотѣ и на людяхъ, деревенскій обыватель, съ коломъ или вилами въ рукахъ оспаривающій у власти право сносить съ избенки крышу, уводить со двора послѣднюю коровенку за недоимки... Все это бывало и прежде, но бывало временами, полосами, имѣло мѣстный характеръ, могло объясняться случайностью или „недоразумѣніемъ“ и неособенно смущало власть, распоряжающуюся судьбами нашей родины... Назойливые „неотложные“ вопросы сдавались въ комиссіи и затѣмъ мало по малу предавались забвенію; для поправленія финансовъ прибѣгали къ займамъ, къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, къ государственнымъ лоттереемъ, измышляли новые налоги, практиковали смѣну министровъ; начинавшее втихомолку ворчать и показывать изъ кармана кулакъ, общество успокаивалось общаніемъ реформъ, разныхъ льготъ и воль-

ностей; „внутренніе враги“ изводились тюрьмой, ссылкой, каторгой, висѣлицей; народу рекомендовались терпѣніе и порядокъ; въ случаяхъ же „недоразумѣній“ посылались военныя команды, устраивались экзекуціи, стягивались въ томъ или другомъ районѣ войска; становые и исправники „понуждали“ народъ къ уплатѣ податей и недоимокъ; урядники „пресѣкали“ и „предупреждали“... Однимъ словомъ, все шло, если и не особенно хорошо, то и не особенно дурно. Какъ ни какъ, а жить представителямъ власти было можно, и если бы только не огорченія, доставляемые нигилистами, то имъ можно было бы даже сохранять и нѣкоторую веселость духа. Даже такое глубоко серьезное явленіе, какъ прогрессивное уменьшеніе платежной силы крестьянина, не въ состояніи было отрезвить нашихъ легкомысленныхъ правителей, вмѣстѣ съ Колупасвымъ упрямо твердившихъ про мужика: „йонъ доста-а-нетъ“!

При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, наши кормчіе, несмотря на зловѣщіе симптомы всеобщаго оскуденія и разложенія государственнаго организма, могли бы, пожалуй, наслаждаться такимъ „благополучіемъ“ еще многіе годы: вѣдь мужикъ, на которомъ покоится зданіе Россійской имперіи, отличается изумительною живучестью и не менѣе изумительнымъ терпѣніемъ и можетъ выносить громадное давленіе, если только это послѣднее нарастаетъ постепенно, мало по малу... Хотя все съ большимъ и большимъ трудомъ и все меньшею и меньшею правильностію, но „йонъ“ продолжалъ бы еще „доставать“ нѣкоторое время и тащить разсыпашуюся государственную колымагу, нагруженную выжившими изъ ума помпадурами... Но вотъ наступилъ роковой 1880 годъ, явились

на сцену чрезвычайныя обстоятельства, — и „благополучіе“ быстро обратилось въ неблагополучіе. На измученный и до нельзя обезсиленный народъ обрушились въ этомъ году, кажется, всѣ казни египетскія, начиная съ глада, мора и кончая нашествіемъ саранчи, кузъки, мошки, жука, червя, въ союзъ съ которыми, повидимому, вступили и стихіи. И безъ того уже отчаянное положеніе народа стало окончательно невозможнымъ. Народъ застоналъ сразу на всемъ пространствѣ обширной Руси, — и застоналъ такъ громко и внушительно, что въ наступившемъ неблагополучіи не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія; волей-неволей его должны были официально признать и наши смутившіеся и растерявшіеся помпадуръ. Такъ, на дняхъ не совсѣмъ благополучно царствующій нынѣ Александръ Николаевичъ Романовъ, жалуя своихъ голодныхъ вѣрноподданныхъ солью, изрекъ нѣчто о „тяжкой годинѣ“. Да, година наступила дѣйствительно тяжкая для народа. Если бы только она была и послѣднею для одряхлѣвшихъ и обезумѣвшихъ шаховъ русскіихъ!

Бѣдствіе постигло не „нѣкоторыя восточныя и южныя губерніи“, какъ это легкомысленно утверждаетъ Александръ Николаевичъ въ своемъ указѣ отъ 23 ноября о сложеніи акциза съ соли; нѣтъ, оно распространилось на всю Россію, — въ этомъ то и заключается все неблагополучіе. Прислушайтесь къ тому, что говорятъ въ одинъ голосъ и одними и тѣми же словами всѣ провинціальныя корреспонденты, и вы убѣдитесь въ томъ, что голодъ, со всѣми его ужасами и послѣдствіями, носится надъ всѣмъ нашимъ темнымъ царствомъ и уже теперь, когда едва только началась зима, начинается выхваты-

вать жертвы... Съ сѣвера, съ юга, съ востока и запада все идутъ однѣ и тѣ-же вѣсти и рассказы-ваютъ одну и ту-же печальную исторію. Эпитеты: „мрачный“, „безотрадный“, „ужасный“, „безнадежный“, „безвыходный“, „отчаянный“ такъ и пестрѣ-ютъ въ корреспонденціяхъ и сообщеніяхъ о поло-женіи населенія въ губерніяхъ: Самарской и Ар-хангельской, Пензенской и Вологодской, Саратов-ской и Ковенской, Московской и Пермской, Ка-занской и Оренбургской, Олонецкой и Херсонской, Уфимской и Кѣлецкой, Смоленской и Нижегород-ской, Рязанской и Тверской, Екатеринославской и Новгородской, Костромской и Черниговской, Яро-славской и Кіевской, Харьковской и Тульской, Владимірской и Воронежской, Курской и Псков-ской... Въ этомъ длинномъ перечнѣ, далеко не претендующемъ на полноту, въ изобиліи представ-лены почти всѣ окраины и полосы Европейской Россіи. Во всѣхъ только что перечисленныхъ губерніяхъ, въ этомъ году былъ или плохой уро-жай, или же почти полный неурожай; урожаемъ, и притомъ „неслыханнымъ“, отличился только Ос-терскій уѣздъ (Черн. губ.); къ сожалѣнію, только уродилась тамъ не пшеница, а спорынья. Въ очень многихъ мѣстностяхъ земля не возвратила даже и сѣмянъ; травы также были очень плохи.

Къ обычнымъ причинамъ нашихъ хроническихъ неурожаевъ и недоборовъ въ хлѣбъ, каковы: повсе-мѣстное истощеніе почвы, дурная обработка земли, недоброкачественность сѣмянъ и т. д.,—присоедини-лись въ этомъ злополучномъ году еще причины экстр-аординарныя. Оказывается, что въ одномъ мѣстѣ хлѣбъ сгубили страшные ливни, въ другомъ его побилъ градомъ, въ третьемъ онъ „обмолоченъ вѣтромъ“, здѣсь „сжать“ червемъ, тамъ сожранъ

кузькой, уничтоженъ саранчей, „выпить“ жукомъ, съѣденъ мошкой, и т. д., и т. д. Летающей, ползающей и скачущей мелкой твари развелось на русской землѣ за послѣднее время видимо-невидимо, — и тварь эта до такой степени одолеваетъ русскаго земледѣльца, что у него рѣшительно не хватаетъ средствъ для борьбы съ нею, и онъ безпомощно опускаетъ руки. А тутъ еще, на помощь домашнему „жуку“, является нечисть заграничная: на южный берегъ Крыма перекочевала изъ Франціи страшная филоксеры, а изъ Новороссіи пишутъ, что морскія волны нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выкинули на берегъ громадныя массы какого то иноземнаго жука, который, отдохнувъ отъ морского путешествія, расплылся во все стороны и пожралъ все, что уцѣлѣло послѣ кузьки... Ко всемъ напастьмъ присоединилось такимъ образомъ и „нашествіе иноплеменныхъ“. Наступили затѣмъ ранніе морозы, преждевременно прекратившіе навигацію и затормозившіе доставку собраннаго и уже погруженнаго хлѣба къ мѣстамъ назначенія; хлѣбъ зазимовалъ на волжскихъ пристаняхъ, не дойдя и до Рыбинска; но не посчастливилось ему и тутъ: открылся ледоходъ, — и не одинъ десятокъ баржъ съ зерновымъ хлѣбомъ пошелъ ко дну.

Одна бѣда привела за собою другую. Чего не тронулъ изъ скуднаго урожая жукъ, что пощадилъ стихіи, то прибрали къ своимъ рукамъ крупныя и мелкіе кулаки. Въ виду наступающаго всероссійскаго голода разыгралась самая беззастѣнчивая спекуляція на хлѣбъ. Въ Петербургѣ многія фирмы задерживаютъ въ своихъ складахъ сотни тысячъ кулей хлѣба и не пускаютъ его въ продажу въ расчетъ на дальнѣйшее повышеніе цѣнъ. Въ Са-

марской, Саратовской и смежных съ ними губерніяхъ обнаружена громадная стачка хлѣботорговцевъ. Изъ Нижняго сообщаютъ, что „коммерсанты скупили весь хлѣбъ не только въ Нижегородской губерніи, но обшарили весь Ветлужскій и Макарьевскій уѣзды Костромской губерніи“... Въ Перми „скупщики не дремлютъ“... Въ Пронскѣ (Ряз. губ.) — „безцеремонная эксплуатація скупщиковъ“. Въ Кадниковѣ „торговцы перехватываютъ и то небольшое количество хлѣба, которое подвозится изъ селеній“. И т. д., и т. д., до безконечности. Всевозможными „маклаками“, „кулаками“, „скупщиками“ и „міроѣдами“, высасывающими изъ народа послѣднія капли крови, русская земля была обильна и въ прежнее, „благополучное“ время; теперь же, почуявъ народное бѣдствіе, а слѣдовательно легкую и богатую поживу, эта двуногая саранча съ особеннымъ нахальствомъ и остервенѣніемъ набрасывается на обездоленный народъ, жретъ его, округляется и торжествуетъ... Пусть!... Тѣмъ хуже для нея... Чѣмъ больше увлеченія и озорства будетъ внесено ею въ это жранье и кровопійство, тѣмъ скорѣе наступитъ грозный часъ возмездія, тѣмъ тяжелѣе для нея будетъ расплата.

Въ хлѣбѣ всюду страшный недостатокъ; цѣны на него увеличились вдвое въ сравненіи съ прошлымъ годомъ; пудъ ржаной муки стоитъ 1 р. 50 к. — 1 р. 80 к. и даже выше, — цѣна небывалая, неслыханная до настоящаго времени.*) О такихъ цѣ-

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, съ установкой зимняго пути цѣны на хлѣбъ нѣсколько понизились, благодаря подвозу его изъ мѣстъ заготовки. Но такъ какъ хлѣбныхъ запасовъ въ этомъ году значительно меньше, чѣмъ въ предъидущіе годы, нужда же въ хлѣбѣ крайне велика, то очевидно, что пониженіе очень скоро опять перейдетъ въ повышеніе.

нахъ не знали даже и въ голодные годы. Такъ, въ Самарской губ. мука стоитъ теперь (начало декабря) 1 р. 85 к., приче́мъ сильно опасаются, что скоро она дойдетъ до 2 р. и даже перевалитъ за эту цифру, между тѣмъ какъ осенью 1873 года, въ эпоху знаменитаго даже и въ русскихъ лѣтописяхъ самарскаго голода, мука не доходила и до 1 руб.; въ 1867—68 годахъ, когда страшно голодалъ весь сѣверный край, когда архангельскій, олонекскій и вологодскій крестьянинъ неудачно приспособлялъ свой желудокъ къ древесной корѣ, — кулъ хлѣба въ Олонекской, напр., губ. весною стоилъ 13 руб., теперь же онъ стоитъ тамъ 14 р. Такихъ благодатныхъ мѣстностей, гдѣ бы своего хлѣба хватало до новаго урожая, у насъ и въ „благополучное“ то время было не особенно много; теперь же онъ встрѣчаются только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Да что ужъ тутъ толковать о „новомъ урожаѣ“, когда въ газетахъ то и дѣло натыкаешься на извѣстія, что хлѣбныхъ запасовъ не хватитъ и до января, и даже до Николина дня!... Мало того, и такія то извѣстія тонутъ въ массѣ другихъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что у мужика уже и теперь хлѣба совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ и ему приходится прибѣгать ко всевозможнымъ суррогатамъ. Въ Самарской губ. нуждающихся въ продовольствіи и въ средствахъ для обмѣненія полей, по свѣденіямъ земствъ, насчитывается болѣе 600,000 человекъ. Въ одномъ Саратовскомъ уѣздѣ голодныхъ болѣе 150,000 человекъ. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ (Московск. губ.) „массѣ народа пришлось, тотчасъ послѣ снятія жатвы, покупать себѣ хлѣбъ по 1 рублю 50 копѣекъ за пудъ“. Въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ (Уф. губ.) „нужда въ хлѣбѣ уже

и теперь (октябрь) дошла до того, что крестьяне покупаютъ вездѣ, гдѣ только возможно, лебеду. Положеніе таково, что можно радоваться, если хоть въ лебедѣ то нѣтъ недостатка; но такъ какъ спросъ на нее становится все сильнѣе и сильнѣе, то и на нее начинается устанавливаться на базарахъ изрядная цѣна, доходная до 50 к. и выше за пудъ". Во многихъ мѣстахъ народъ питается хлѣбомъ, выпеченнымъ изъ ржаной муки пополамъ съ картофельной, но и такой хлѣбъ обращается мало по малу въ лакомство. Картофель изъ добавочной сталъ уже кое-гдѣ главною пищею. Въ Камышинскомъ уѣздѣ „крестьяне уже болѣе мѣсяца (конецъ октября) не имѣютъ хлѣба и питаются исключительно картофелемъ и овощами". Въ Кълецкой губ. „часть населенія и теперь уже (окт.) принуждена обходиться безъ хлѣба. Главную и единственную пищу для многихъ представляетъ картофель и свекла, а кусокъ хлѣба составляетъ большую рѣдкость". Въ Александровскомъ уѣздѣ (Екатер. губ.) „голодь настойчиво стучится въ двери; населеніе въ критическомъ, безотрадномъ положеніи. „Вольный“, т. е., государственный крестьянинъ, имѣя надѣлъ въ 6—8 десятинъ, еще кое какъ пропитываетъ себя „яшникомъ“, „картонкой“, „гарбузомъ“, но бывший панскій, нынѣ безземельный „собственникъ“, буквально голодаетъ". Изъ Смоленска пишутъ: „экономическое положеніе уѣзда самое безвыходное. Озимые не уродились совсѣмъ въ этомъ году, а *„яровые пошли на уплату податей и недоимокъ. Хлѣба нѣтъ“*... Въ Мариупольскомъ уѣздѣ (Екатер. губ.) „мѣстное населеніе въ ужасномъ положеніи; много семействъ уже и теперь (13 окт.) совсѣмъ безъ хлѣба".

По донесенію изюмскаго исправника харьковско-

му губернатору, нужда въ хлѣбѣ достигла въ этомъ уѣздѣ до крайнихъ предѣловъ; дѣти пухнуть отъ голода; жители питаются разнаго рода травами, отрубями, пшеничной шелухой и т. д. Женщины осаждаютъ квартиру исправника, прося хлѣба; запасы въ хлѣбныхъ магазинахъ истощаются; *исправникъ опасается серьезныхъ послѣдствій.* Въ корреспонденціи изъ Саратова читаемъ: „Въ нѣкоторыхъ селахъ давно уже забыли, что такое ржаная мука; питаются овсомъ съ примѣсью лебеды и другихъ суррогатовъ“... Въ самомъ Саратовѣ „массы бѣдняковъ бродятъ по дворамъ и вылавливаютъ изъ помойныхъ ямъ кусочки и корки арбузовъ, разные объѣдки и пожираютъ ихъ съ жадностью“... Въ Самарѣ уже попадаютъ на улицахъ валяющіеся подъ заборами „мертвенно блѣдные“, „въ концѣ обезсиленные“, не бѣвшіе по нѣсколько дней чернорабочіе. Тамъ же открыта пекарня, „въ которой подаютъ по $\frac{1}{4}$ фунта (!) хлѣба и которая буквально съ утра до ночи осаждается толпами голодныхъ“. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ (Сам. губ.) „значительная часть населенія питается хлѣбомъ, въ которомъ нѣтъ ни одного хлѣбнаго зерна и который состоитъ исключительно изъ лебеды и другихъ суррогатовъ. Мука, приготовленная изъ такихъ веществъ, похожа на персидскій порошокъ или нюхательный табакъ, а хлѣбъ изъ этой муки — на кизякъ“... Въ Козелецкомъ уѣздѣ (Черниг. губ.) „населеніе питается овсянымъ хлѣбомъ съ лебедой“... Въ Саратовскомъ уѣздѣ „киргизы мѣняютъ дѣтей на хлѣбъ. Взрослый киргизенокъ стоитъ 1—2 пуда муки. Не имѣя хлѣба для прокормленія, тѣ же киргизы вынуждены бросать своихъ ребятишекъ въ степи“... И т. д., и т. д.

Я никогда бы не кончилъ, если бы вздумалъ приводить здѣсь всѣ имѣющіяся у меня подъ рукою данныя, по своему характеру и значенію совершенно тождественныя съ вышеприведенными. Но и сказаннаго, надѣюсь, будетъ вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ нужды и остротѣ голода. До какой степени нужда эта велика, доказывается между прочимъ небывалымъ до сихъ поръ въ лѣтописяхъ русской торговли фактомъ ввоза хлѣба изъ-заграницы. 1-го октября на кронштадскій рейдъ пришелъ изъ Штетина корабль съ 700 кулями муки; въ томъ же октябрѣ однимъ винокуреннымъ заводомъ въ средней полосѣ Россіи сдѣланъ былъ въ Гамбургѣ заказъ на 50,000 четвертей кукурузы. Фактъ знаменательный, указывающій на полное истощеніе прежней „житницы Европы“.... Впрочемъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ, мы въ то же самое время хлѣбъ и вывозили, отнимая его у голодныхъ соотечественниковъ; до самого прекращенія навигаціи изъ гаваней Чернаго моря то и дѣло отходили корабли съ полнымъ грузомъ пшеницы, хотя въ общемъ счетѣ отпускъ былъ и меньше прошлогодняго, — такъ напр. для Одессы это уменьшеніе доходило въ сентябрѣ до 15 милл. рублей... Откуда въ „тяжкую годину“ взялся хлѣбъ для вывоза, распространяться объ этомъ, я полагаю, излишне; — конечно, его доставилъ голодный мужикъ, „понуждаемый“ становымъ и исправникомъ ко взносу податей и недоимокъ... Какъ это ни покажется невѣроятно, но фактовъ такого „понужденія“ имѣется достаточно, и дальше я скажу о нихъ нѣсколько словъ.

Хлѣба нѣтъ или-же онъ страшно, неприступно дорогъ, — дороги и всѣ другіе предметы первой

необходимости. Отовсюду, рѣшительно отовсюду пишутъ, что дороговизна теперь „страшная“, „невѣроятная“, „небывалая“, что „цѣны растутъ не по днямъ, а по часамъ“, что „никогда такихъ цѣнъ не существовало“. Особенно чувствительно въ теперешнее холодное время чрезвычайно сильное вздорожаніе топлива. Наряду съ извѣстіями о недостаткѣ хлѣба идутъ извѣстія и о недостаткѣ топлива. Такъ, отъ обѣихъ этихъ бѣдъ страшно терпятъ населеніе Верейскаго у. (Моск. г.); въ Мариупольскомъ у. (Екат. г.) „солома стоила раньше 3-4 р. за куб. сажень, теперь же (окт.) она стоитъ 17; кизякъ, съ 2-3 р., вздорожалъ до 8 р.“ И такихъ извѣстій много, особенно съ юга. Такимъ образомъ, голодному народу приходится еще и мерзнуть.

Хлѣба нѣтъ, да оказывается, что его „и не жди, — не будетъ“: не было сѣмянъ для озимого посѣва, нѣтъ ихъ, конечно, и для ярового. Прислушайтесь къ тѣмъ воплямъ, которые несутся по этому поводу со всѣхъ сторонъ, и вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, что „о будущемъ страшно и подумать“, какъ выражаются почти всѣ провинціальныя корреспонденты. Въ Козелецкомъ у. (Черниговской г.) „нѣтъ ни хлѣба для продовольствія, ни зерна для посѣва“. Въ Бронницкомъ у. (Моск. губ.) „положеніе населенія безвыходное... Поля останутся не засеянными“. Въ Курской г. „положеніе мѣстнаго крестьянства безвыходное... Нечего вѣсть, нечѣмъ обсеменять поля...“ Изъ Ростова на-Дону пишутъ: „Голодь въ буквальный смыслъ не за горами... Хлѣбные запасы почти совсѣмъ истощены“. Изъ Тирасполя (Херс. г.): „трудно представить положеніе безотраднѣе того, въ которое поставлено населеніе уѣзда... Нѣтъ надежды и на будущее, такъ какъ нѣтъ сѣмянъ для посѣ-